

УДК 930.1

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61

ХРОМОВА Елена Борисовна
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет
г. Пермь, Россия
khromovalena@mail.ru

E. B. KHROMOVA
Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia
khromovalena@mail.ru

**ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ
АНТРОПОЛОГИИ В РОССИИ: ВКЛАД ИСТОРИИ
МЕНТАЛЬНОСТЕЙ**

**FROM BACKGROUND OF HISTORICAL
ANTHROPOLOGY FORMATION IN RUSSIA:
CONTRIBUTION OF HISTORY OF MENTALITIES**

В статье прослеживается вклад французской истории ментальностей в становление историко-антропологических исследований в России. В российской историографии зачастую проводится знак равенства между исторической антропологией и историей ментальностей, хотя не все исследователи поддерживают эту точку зрения. Поэтому прежде всего, в статье даётся краткое описание основных произведений школы «Анналов», по праву считающейся лидером такого научного направления, как история ментальностей. Даётся обзор основных тенденций и направлений этой школы. Поскольку историко-антропологические исследования в России имеют свою предысторию, рассматриваются работы российских учёных, научные интересы которых так или иначе перекликались с историей ментальностей. Определяется место истории ментальностей в советских гуманитарных исследованиях. Подробно рассмотрено творчество российского историка А.Я. Гуревича, по мысли которого изучение ментальностей должно быть отправной точкой любого исследования, а также и методом изучения культуры и многих других аспектов истории. Именно работы этого учёного создали почву для успеха концепта «ментальность» в российских гуманитарных науках. Кроме того, А.Я. Гуревич считал историческую антропологию продолжением истории ментальностей. Оставляя историческую антропологию и историю ментальностей в рамках одного направления, автор статьи кратко рассматривает также родственные направления истории ментальностей на современном этапе.

The way of historical and anthropological formation research in Russia is retraced in the article. In Russian historiography, there is often a sign of equality between historical anthropology and the history of mentalities, although not all researchers support this view. First of all, the short description of mentalities history at the French historical school of "Annals" is given, it is conventional considered as the leader of this scientific direction. The main directions of this school is given. The creativity of the Russian scientists whose scientific interests had anyway something in common with the history of mentalities, the most known direction of historical and anthropological research in Russia is considered. The place of the history of mentalities in humanitarian research in the USSR is defined. The works of the Russian historian A. Ya. Gurevich whose success of works have caused popularity of mentalities history in Russia are considered in details. Mentalities – social mental sets and habits of one welfare community representatives' consciousness – and their studying, according to A.Ya. Gurevich, has to be not only a starting point of any research, but also a method of studying both: culture and other aspects of history. At the modern stage the historical anthropology can be considered as continuation of mentalities history together with other directions, for example, by microhistory, history of daily life, political anthropology.

Ключевые слова: школа «Анналов», М. Блок, Л. Февр, ментальность, В.О. Ключевский, Л.П. Карсавин, А.Я. Гуревич, картина мира, историческая антропология, микроистория, история повседневности.

Для цитирования: Хромова Е.Б. Из истории становления исторической антропологии в России: вклад истории ментальностей. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 5 -1 . с.53-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61.

Keywords: school of "Annals", M. Bloch, L. Febvre, mentality, V. O. Klyuchevsky, L.P. Karsavin, A. Ya. Gurevich, world picture, historical anthropology, microhistory, daily life.

For citation: Khromova E.B. From background of historical anthropology formation in Russia: contribution of history of mentalities. *Historical and Social-Educational Idea*. 2018. Vol. 10. no. 5-1. Pp. 53-61.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-5/1-53-61. (in Russ)

В настоящее время историческую антропологию можно считать важной составляющей современного исторического знания. В российской историографии историческую антропологию зачастую отождествляют с историей ментальностей, хотя не все исследователи теоретически признают это родственную связь. Пытаясь в этом разобраться, совершив небольшой экскурс в историю данного направления.

Общепризнанным мировым лидером в изучении истории ментальностей является французская историческая школа «Анналов». Французские историки Марк Блок и Люсьен Февр считаются отцами-основателями данного направления. Открытый ими в 1929 году журнал «Анналы экономической и социальной истории» способствовал формированию нового направления, определившего на многие десятилетия вперед не только французской, но и мировой науки. Ключевое понятие, введенное в историческую науку М. Блоком и Л. Февром - «*mentalité*» (менталитет, ментальность). Это слово не переводится однозначно: это может быть и «умонастроение», и «коллективные представления», и «склад ума». Учёные – представители данной школы «Анналов» пришли к выводу о том, что изучение человеческой картины мира, понимание импульсов поведения людей необходимо для понимания всего хода исторических событий. Поэтому в исторической школе «Анналов» проблема роли сознания человека в истории нашла своё выражение в изучении проблем менталитета. Учёные данной школы стали рассматривать историю с антропологической точки зрения, то есть с точки зрения действующего в ней и оценивающего ее человека [1, с. 129].

В своём самом известном произведении «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле» Л. Февр исследует возможности человеческого мировосприятия, продиктованные его культурой и эпохой, размышляет о «мыслительном (ментальном) инструментарии» («*ouillage mental*»). Эта категория, по его мнению, включает в себя те категории восприятия, концептуализации, а также выражения и действия, на основе которых организуется и индивидуальный, и коллективный опыт [2]. Тема ментальных настроений доминирует и в творчестве М. Блока. В его книгах (например, «Короли-чудотворцы», «Феодальное общество», «Апология истории, или Ремесло историка») часто фигурируют понятия «коллективное сознание» или «умонастроение» (*mentalité*). Фернан Бродель, ставший лидером «Анналов» после М. Блока и Л. Февра, сосредоточил свои научные интересы на реконструкции, главным образом, «материальной жизни» прошлого, тесно связанной с повседневностью и существующей во времени большой длительности (*longue durée*) [1, с. 130].

Учёные следующего поколения школы, получившего название «Новой исторической науки», очень широко трактуют понятия *mentalité*. Это продукт «брожения» аморфно собранных элементов внутреннего мира человека, сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, его чувств, убеждений, воли, верований, установок, моделей и стереотипов поведения, настроений, которые объединяют носителей этого менталитета в некоторую общность. Нечеткость и различность формулировок привели к тому, что каждый автор вкладывал в понятие свое содержание, обусловив в результате популярность термина [1, с. 131]. Например, у Р. Мандру *mentalité* - это то, что можно понять и ощутить, иначе говоря, это область разума и эмоций [3]. У Ж. Дюби: «Это система (именно система) в движении, являющаяся, таким образом, объектом истории, но при этом все ее элементы тесно связаны между собой; это система образов, представлений, которая в разных группах или стратах, составляющих общественную формацию, сочетаются по-разному, но всегда лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире, и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [4]. Ж. Ле Гофф видел в ментальности любого исторического индивида нечто общее, что данный индивид разделял со всеми другими людьми своего времени, считая, что история ментальностей существует на уровне повседневного автоматизма поведения, открывая содержание мышления индивида [5]. Как видно, отсутствие единства по поводу того, что же такое «ментальность» не пугало ученых, работающих в русле «Новой исторической науки», усматривавших в этой расплывчатости понятия его богатство и многозначность.

Во II половине XX в. данный подход перестал быть достоянием лишь французской школы «Анналов», став привлекательным и продуктивным для ученых других стран. А в России, в политически нестабильный для страны период: развал СССР, появление самостоятельных государств, рост национального самосознания, - ментальная проблематика оказалась особенно востребованной. В данном контексте в процессе научного поиска были также переосмыслены и «открыты» заново труды многих российских ученых, посвященных русской духовности и ее истокам. Мы лишь затронем исследования тех русских мыслителей, научные интересы которых так или иначе перекликаются с научной парадигмой школы «Анналов».

Русский историк *Н.М. Карамзин* (1766 – 1826), исследуя особенности характера россиян, писал: «Сходствуя с другими европейскими народами, мы разностнуем с ними в некоторых способностях, обычаях, навыках, так что не можно иногда отличить россиянина от британца, но всегда отличим россиян от британцев: во множестве открывается народное» [6, с. 145]. То есть, меньше всего думая о менталитете, русский историк выделил такую его особенность, как способность ярче проявляться на уровне больших общностей, чем на индивидуальном уровне.

С точки зрения развития метода, позволяющего оценить особенности мышления и образа действия людей прошлого, безусловный интерес представляют исследования *В.О. Ключевского* (1841-1911). В этой связи можно вспомнить серию его исторических портретов или рассуждений о характере великороссов. От наблюдательности историка не могло укрыться особенное свойство человеческого духа, которое современные учёные склонны именовать ментальностью. «Мы замечаем, - пишет он, - что рядом с физическими свойствами и факты чисто исторические, связывающие наличных людей в союзы, не умирают вместе с ними, но переходят по наследству и в этом переходе даже перерождаются: из фактов, часто вызванных временною необходимостью, превращаются в привычки, в предание, действующее, даже когда минует эта временная необходимость. Говоря ещё общее, мы находим, что все действующее в данном поколении, все им усвоенное и выработанное не умирает вместе с поколением, а переходит к дальнейшим, осложняя их общежитие и часто гнетет их, как бремя, наложенное предками, от которого трудно, иногда невозможно освободиться...» [7, с. 23]. Подход Ключевского определенно прочитывается в его конкретно-исторических исследованиях. Это и учет географических факторов и природной среды, материальных и социальных условий жизни людей, вся совокупность событий, формирующих характер и поведение конкретных людей в течение всей их жизни. То есть, характер и образ мыслей человека, мотивы его поступков были для Ключевского важнейшими компонентами исследования, наряду с описанием деяний того или иного исторического персонажа. По замечанию *Е.Ю. Зубковой* и *А.И. Куприянова*, как раз исторические портреты Ключевского, написанные по принципу «личность в контексте эпохи», в определённой степени предвосхищали традицию «Анналов» [8, с. 154].

К.Д. Кавелин (1818-1885) в ряде своих статей по философии, русской истории и культуре, как позже и многие другие русские мыслители, обозначил проблему русской ментальности, выразившуюся в теориях «русской национальной идеи». Делая акцент на психическом, духовном аспекте человеческой личности, Кавелин считает важнейшей характеристикой развития общества именно развитие личности. И российскую историю он также рассматривал с точки зрения личностного начала.

На изучении проблем души народа сосредоточил свое внимание *Г.Г. Шпет* (1879 – 1940). Душа, по мысли Шпета, являет собой сходство переживаний и действий отдельных индивидов. На сходные условия жизни эти индивиды реагируют типическими коллективными реакциями. Эти типические реакции могут быть обусловлены как общими социальными и историческими условиями, так и связью индивидуальной души с идеальным миром, например, с наукой и философией.

Явно перекликаются с работами школы «Анналов» идеи историка, философа и культуролога *Л.П. Карсавина* (1882-1952). Изучая проблемы религиозности XII-XIII вв., он выводил их за пределы «истории духа» и формулировал как проблему социальную и одновременно как проблему массовой психологии, того, что сегодня определяют термином

«ментальность». Считая понятие группы необходимым для истории и всех социальных наук, поскольку «без него никакой истории не написать» [9, с. 450], Л.П. Карсавин признавал, что «цементирующим» принципом любой социальной группы является определённая общность настроений, взглядов, стремлений, а также «общая» идеология или «общее» мирозерцание, «общая» направленность на внешний мир» [9, с. 448]. Л.П. Карсавин, как и его французский современник М. Блок, содействовал новому подходу к изучению общества и новому пониманию задач исторической науки. Историческое исследование, согласно Карсавину, является синтезом уже по самой своей сути. Культура, по Карсавину, - это история «целиком», поэтому историк - одновременно и историк культуры. Видя свою задачу в изображении некоторой психической стихии, Л.П. Карсавин подчеркивал, что поведение людей обусловлено не их действительными и осознанными интересами, а привычками и «ролями», которые укоренились в обществе. За «физическими» воздействиями людей «протекают психические факты, которые для историка только и существенны» [9, с. 456]. Кроме того, Л.П. Карсавиным был поставлен вопрос о важности изучения «материального быта» и повседневности как специфической сферы общественной жизни, синтезирующей и отражающей «нечто целое и живое», присущее только этому конкретному времени. Необходимой предпосылкой «ремесла историка» Л.П. Карсавин считал «реальное проникновение в иной душевный процесс, подлинное слияние с ним». Пример такого анализа дается им, например, в монографии «Основы средневековой религиозности XII-XIII веков» [10].

Влияние карсавинской концепции историко-культурного анализа прослеживается в работе профессора Ленинградского университета Б.А. Романова (1889-1957) «Люди и нравы Древней Руси: историко-бытовые очерки XI-XIII вв.» Эта книга эта - свидетельство того, сколь высокие требования к профессиональной подготовке историка предъявляет социокультурный синтез. Его книга - один из первых в советской историографии опытов исследования, базирующегося на органическом сочетании исторического, филологического и лингвистического методов анализа. Задача, которую он себе ставил, - «попытаться собрать и расположить в одной раме разбросанные в древнерусских письменных памятниках следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей XI-XIII вв., с тем, чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей ... Иными словами, как люди жили на Руси в это время (и чем кто дышал сообразно своей социальной принадлежности и тому капризу своей судьбы, какой удастся подметить в памятнике, если пристально в него всмотреться) ...» [11, с. 15]. Сочинение Б.А. Романова по оригинальности постановки проблемы и методикам находится в том же ряду, что и, например, известное исследование французского медиевиста Э. Леруа Ладюри «Монтайю, окситанская деревня» [12], осуществленное гораздо позднее.

В СССР, в условиях контроля за общественным и научным сознанием, отношение к школе «Анналов» было крайне осторожным; направление их работ в целом рассматривалось как чуждое общепризнанной советской доктрине. Но, тем не менее, М.М. Кром обращает внимание на почти одновременный (1960-е годы) процесс антропологизации истории и во Франции и в России (СССР), несмотря на существующий между нашими странами «железный занавес», что свидетельствует об общих научных тенденциях мировой историографии [13]. Ведь «усваивается, несмотря ни на какие препоны, то, в чем испытывают потребность, и то, что может быть усвоено. Такова особенность как индивидуального, так и общественного сознания» [14, с. 193].

Итак, в 60-70-е гг. в нашей стране история ментальностей стала одним из основных направлений гуманитарных исследований, наряду с семиотикой и творчеством М.М. Бахтина. Семиотике, науке о знаковых системах, посвящено значительное количество работ учёных Тартуской школы (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров В.В. Иванов, Б.А. Успенский и др.) Семиотика, как дисциплина, выросшая из лингвистики, воспринимает самые различные сферы деятельности человека как тексты, а значит, как системы знаков, подлежащие расшифровке. Поэтому любой акт поведения в определённой культурной среде пред-

ставляет собой высказывание на определенном культурном языке; для успешного общения в рамках того или иного культурного сообщества все его члены должны владеть принятыми в данном сообществе «кодами». В это же время М.М. Бахтин опубликовал свой известный труд «Творчество Ф. Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», где пришел к выводу о существовании мощного пласта неофициальной народной культуры. По мнению учёного, противоположность официальной и народной культур - это ничто иное, как противостояние идеологии и менталитета: «отрицающая или обесценивающая земной мир ученая культура Средневековья и Возрождения насквозь идеологична, теологична и неподвижна вплоть до застылости, тогда как народная культура предельно раскована, текуча и выражает не сформулированные эксплицитно ментальные установки, начисто лишённые односторонней серьезности: это культура смеховая, карнавальная, бесстрашная, отвергающая и побеждающая смерть, - в противоположность официальной идеологии, основанной на страхе и запугивании» [15, с. 363]. Таким образом, возникла необходимость изучения скрытых пластов общественного сознания, обусловленных повседневной жизнью человека, его насущными жизненными интересами. «Пласты сознания, которые обнаружили семиотики, историки ментальностей и Бахтин, представляют собой огромный фонд человеческих представлений, который не может быть сведен к теориям и идеологиям, живет в значительной мере своей жизнью, по своим особым законам. На уровне ментальностей и знаковых систем, в области неформального «карнавального поведения» социальной группы, культура прошлого проговаривается о своих тайнах, в том числе и о таких, о которых люди той эпохи, возможно, и не догадывались» [16, с. 77].

Всестороннее развитие в России история ментальностей получила в творчестве А.Я. Гуревича. Успех его книг подготовил почву для восприятия концепта «ментальность» в российской гуманитарной науке. Ментальность, по мнению А.Я. Гуревича, должна стать первой проблемой любого исторического исследования, «ибо любой социальный феномен надлежит рассмотреть как бы погруженным в тот повсюду разлитый эфир, который образует ментальность эпохи» [17, с. 20]. Изучение ментальности должно стать не только начальной, отправной точкой любого историко-культурного исследования, но и методом изучения и культуры, и многих других аспектов истории. По мнению этого же учёного, главной же проблемой истории ментальностей становится изучение и реконструкция картины мира людей ушедших времён. Ведь каждый из нас обладает определённой картиной мира, значительная часть которой скрыта от нашего сознания. Именно поэтому можно задать человеку вопрос о его вкусах, вероисповедании, мировоззрении с целью услышать ответ на заданные вопросы. Но мы никогда не сможем получить ответ на вопрос: «Какова твоя картина мира?» Ведь зачастую мы даже не подозреваем о ее существовании. Комментируя в одной из своих статей известное высказывание нашего бывшего премьер-министра: «Хотели как лучше, а вышло как всегда», А.Я. Гуревич пишет: «Срабатывают некоторые инерционные силы - наш невеселый опыт, переходящий из поколения в поколение, привычки нашего сознания, наша картина мира; и сколько бы мы ни трепыхались, а получается так, как было до этого» [18, с. 54]. То есть, очевидно, что картина мира не может быть сформулирована ее носителем, так как человек обладает ей неосознанно. Но в то же время и картина мира обладает человеком, поскольку она - продукт культуры и, следовательно, каждый представитель той или иной общности не может не разделять присущего ей взгляда на мир. Поэтому поведение людей, любая их деятельность неотрывна от картины мира, заложенной в человеческое сознание языком, религией, воспитанием определённого общества. На это и обращает внимание А.Я. Гуревич, подчёркивая, что ментальности - это «социально-психологические установки, автоматизмы и привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [16, с. 75], и в то же время отмечая, что в отличие от строго продуманных теорий и идеологических доктрин, «ментальности диффузны, разлиты в культуре и обыденном сознании» [там же]. Поэтому и тематика интересов истории ментальностей отличается необычайно широким диапазоном. Вот, к примеру, некоторые из них, предложенные А.Я. Гуревичем:

- «- отношение к труду, собственности, богатству, бедности;
- понимание природы права и обычая;
- образ природы и ее познание, способы воздействия на нее;
- понимание места человека в структуре мироздания;
- оценка возрастов жизни (в частности, детства и старости);
- восприятие смерти;
- отношение к женщине, роль брака и семьи, сексуальная мораль и практика;
- отношение мира земного и трансцендентного;
- трактовка пространства и времени;
- соотношение культуры элиты с фольклорной культурой;
- формы религиозности, присущие «верхам» и «низам»;
- социальные фобии, коллективные психозы;
- история праздников и обычаев;
- способы самосознания личности» ... и т.д. [19, с. 530-531]

Список этот, безусловно, может быть продолжен. Тем не менее заметим, что всё разнообразие аспектов данного списка сконцентрировано вокруг проблемы человеческой личности и её особенностей, соответствующих типу культуры. Поэтому исследование ментальностей на современном этапе поднялось на уровень культурно-исторической антропологии.

Идеи школы «Анналов» плодотворно развивались в нашей стране и в трудах Е.А. Арнаутовой, Ю.Н. Афанасьева, Ю.Л. Бессмертного, И.В. Дубровского, С.И. Лучицкой, С.В. Оболенской, А.Л. Ястребицкой и др. Многие из этих авторов, также как и французские исследователи, сосредоточивают свое внимание на проблемах Средневековой ментальности. Тем не менее, в нашей стране историко-антропологическое направление ассоциируется прежде всего с именем *А.Я. Гуревича*. Под влиянием его работ сам термин стал пониматься как синоним истории ментальностей. Сам учёный считал историческую антропологию продолжением истории ментальностей. И если в 70-80-х годах его французский коллега, блестящий историк школы «Анналов» Жак Ле Гофф, заговорил об исторической антропологии, отделяя её от истории ментальностей, это поставило нашего учёного в тупик [20]. Повод говорить о всего лишь смене названия дали, по мнению М.М. Крома, сами французские историки [21, с. 69]. Ни Ж. Ле Гофф, ни А. Бюргер в статьях 70-80-х гг. не предприняли попыток разграничить два явно родственных направления. Но на вопрос А. Гуревича о целесообразности замены понятия «история ментальностей» понятием «историческая антропология», или о возможности их взаимозаменяемости, - Ле Гофф ответил совершенно определённо: «История ментальностей и историческая антропология никогда не смешивались. Они сложились почти одновременно, но соответствовали разным целям и объектам. Историческая антропология представляет собой общую глобальную концепцию истории. Она охватывает все достижения «новой исторической науки», объединяя изучение менталитета, материальной жизни, повседневности вокруг понятия антропологии. Она охватывает все новые области исследования, такие, как изучение тела, жестов, устного слова, ритуала, символики и т.п. Ментальность же ограничена сферой автоматических форм сознания и поведения» [цит. по: 21, с. 70]. Подобное заявление не является бесспорным, ведь у самого же Ле Гоффа можно найти примеры нечёткого разделения этих двух направлений. И прежде всего проявляется это в размытости самого определения истории ментальности, названной Ле Гоффом в одной из его статей историей на «перекрёстке», «двусмысленной историей» [5]. Самым привлекательным в истории ментальностей он видит именно ее неопределенность, стремление выявить «осадок» исторического анализа, некое историческое «не знаю что» [5].

Нам вслед за М.М. Кромом разногласия между А.Я. Гуревичем и его французскими коллегами представляются несколько преувеличенными [21, с. 71]. Предпочитаем оставить их в рамках одного направления. Ведь так или иначе, любое проявление челове-

ской деятельности получает какой-то значимый вес в условиях определённой ментальной среды, присущей обществу в то или другое время.

Изменение научного «ландшафта» в России и в мире, а также появление русских переводов классических работ по исторической антропологии предоставило российским гуманитариям новые большие возможности приобщения к достижениям мировой гуманитарной мысли. К изданным уже произведениям Ж. Ле Гоффа, Ф. Арьеса, Н.З. Девис можно добавить работы К. Гинзбурга, Р. Дарнттона, П. Берка, К. Гирца и др. Наряду с зарубежными переводами увеличивается количество публикаций и отечественных авторов, работающих в русле исторической антропологии (М.М. Кром, Г.В. Лобачёва, Е.Ю. Зубкова, О.Е. Кошелева, О.С. Поршнева и др.). Преобладающая в 90-е годы история ментальностей находит своё продолжение в таких новых направлениях, как, например, микроистория, история повседневности, политическая антропология. Можно говорить, таким образом, о существовании своеобразного историко-антропологического дискурса, включающего все вышеперечисленные направления. Их можно считать глубоко родственными, ведь их становление отвечало потребности антропологизации истории, а значит, необходимости отказа от изучения безличных структур, с той целью, чтобы внимательно прислушавшись к голосам ушедших поколений, понять их способы мышления и поведения [22]. В любом из этих направлений исследователям интересно проследить, как личность приходит к тому или иному решению, а также совершает тот или иной поступок, руководствуясь неким алгоритмом, который ей настойчиво навязывается культурой. И в этом смысле изучение истории России в культурно-антропологической перспективе должно неизменно привести к серьёзным научным результатам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хромова Е.Б. Об историко-антропологическом подходе в изучении проблем менталитета // Культура. История. Философия. Право. Вестник Пермского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 129-136.
2. Febvre L. Le problème de l'incroyance de XVI siècle. La religion de Rabelais. P., Albin Michel, 1947. – 549 p.
3. Mandrou R. L'histoire des mentalités // Encyclopedia Universales. Vol. 8 (1968). P. 436—438.
4. Duby G. Histoire sociale et histoire des mentalités // Nouvelle critique. 1970. № 34. P. 11-19.
5. Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë // Faire de l'histoire : nouveaux problèmes. Paris. 1974. P. 76-94.
6. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. – М., 1992
7. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 6. – М.: Мысль, 1989. – 467 с.
8. Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. – С. 153-160.
9. Карсавин Л.П. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 920 с.
10. Карсавин Л.П. Основы средневековой религиозности XII- XIII вв. СПб., 1997.
11. Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси: Историко-бытовые очерки XI-XIII вв. – М.: Территория, 2002. 256 с.
12. Le Roy Ladurie E. Montaillou, village Occitan, de 1294 à 1324. Paris : Gallimard, 1982.
13. Кром М.М. Арон Яковлевич Гуревич и антропологический поворот в исторической науке // Новое литературное обозрение. № 81. 2006. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81> (дата обращения: 20.10.2017)
14. Ястребицкая А.Л. «Анналы» - феномен нового исторического мышления // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: 1993. 208 с. – С. 193-195.
15. Гуревич А.Я. Послесловие. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизация Средневекового Запада. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
16. Гуревич А.Я. Проблемы ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М.: Наука, 1989. Вып. 1. – С. 75-89.
17. Гуревич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: 1993. – 208 с. – С. 16-29.

18. Гуревич А.Я. История культуры: бесчисленные потери и упущенные возможности // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М.: Наука, 2000. С. 53 – 57.
19. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю. М.: 1991. С. 501-541.
20. Гуревич А.Я. История в человеческом измерении // Новое литературное обозрение. № 75. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (дата обращения: 28.10.2017)
21. Кром М.М. Историческая антропология: Учебное пособие. – СПб., М. Изд-во Европ. ун-та в СПб, 2010. – 214 с.
22. Кром М.М. История России в антропологической перспективе. Электронный ресурс: URL: <http://www.el-history.ru/node/432> (дата обращения: 20.02.2018)

REFERENCES

1. Khromova E.B. Ob istoriko-antropologicheskom podhode v izuchenii problem mentaliteta. Kultura. Istorija. Filosofija. Pravo. []. Vestnik Permskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. 2010. No. 3. P. 129-136.
2. Febvre L. Le problème de l'incroyance de XVI siècle. La religion de Rabelais. P., Albin Michel, 1947. 549 p.
3. Mandrou R. L'histoire des mentalités. Encyclopedia Universales. Vol. 8 (1968). P. 436—438.
4. Duby G. Histoire sociale et histoire des mentalités. Nouvelle critique. 1970. No. 34. P. 11-19.
5. Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë. Faire de l'histoire : nouveaux problèmes. Paris. 1974. P. 76-94.
6. Karamzin N.M. Izbrannye stat'i i pis'ma [Chosen articles and letters]. M., 1992.
7. Klyuchevskiy V.O. Sochineniya v 9 t. Vol. 6, 1989. 467 p.
8. Zubkova E. J., Kuprijanov A.I. Mental'noje izmerenije istorii: poiski metoda [Mental measurment of history: searches of a method]. Voprosy istorii. 1995. No. 7. pp. 153-160.
9. Karsavine L.P. Izbrannoye. [Chosen Works]M.: ROSSPEN Publ., 2010. 920 p.
10. Karsavin L.P. Osnovy crednevekovoy religioznosti XII-XIII vv. [Bases of medieval religiousness of the XII-XIII centuries] S-Petersburg, 1997.
11. Romanov B.A. Ljudi i nrawy Drevney Rusi [People and customs of ancient Russia]. M.: Territorija Publ., 2002. 256 p.
12. Le Roy Ladurie E. Montaillou, village Occitan, de 1294 à 1324. Paris : Gallimard, 1982.
13. Krom M.M. Aron Yakovlevich Gurevich i antropologicheskij povorot v istoricheskoy nauke [aron Yakovlevich Gurevich and anthropological turn in histotical science]. Novoje literaturnoie obozrenije. 2006. № 81. Available at: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/81> (accessed: 20.10.2017).
14. Yastrebitskaya A.L. "Annaly" – fenomen novogo istoricheskogo myshleniya ["Annals" – a phenomenon of new historical thinking]. Spory o glavnom: Diskussii o nastojaschem i buduschem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly "Annalov". M.: 1993. 208 p. pp. 193-195.
15. Gurevich A.Y. Posleslovije. Jak Le Goff i "Novaja istoricheskaya nauka" vo Frantsii [Epilog. Jacques Le Goff and "New historical science" in France]. Le Goff J. Tsvivilizatsiya srednevekovogo zapada [Civilization of the Medieval West]. M.: Progress-Akademiya Publ., 1992. 376 p.
16. Gurevich A.Y. Problemy mental'nostey v sovremennoy istoriografii [Problems of mentalities in a modern historiography]. Vseobschaya istoriya: diskussii, novye podkhody. M.: Nauka Publ., 1989. Vol. 1. pp. 75-89.
17. Gurevich A.Y. Ot istorii mental'nostey k istoricheskomu sintezu [From history of mentalities to historical synthesis]. Spory o glavnom: Diskussii o nastojaschem i buduschem istoricheskoy nauki vokrug frantsuzskoy shkoly "Annalov". M.: 1993. 208 p. pp. 16-29.
18. Gurevich A.Y. Istoriya kultury: beschislennyye poteri i upuschennyye vozmojnosti [Cultural history: uncountable losses and the missed opportunities]. Odyssey. Chelovek v istorii. 2000. M.: Nauka Publ., 2000. pp. 53-57.
19. Gurevich A.Y. Uroki Lusiena Fevra [Lucian Febvre' lessons]. Fevr L. Boi za istoriyu [Febvre L. Fights for history]. M.: 1991. pp. 501-541.
20. Gurevich A.Y. Istorija v chelovecheskom izmerenii (razmyshleniya medievista) [History in human measurement]. Novoje literaturnoye obozrenije. 2005. No. 75. Available at: URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/75/gu4.html> (accessed: 28.10.2017)
21. Krom M.M. Istoricheskaya antropologiya: Uchebnoje posobije [Historical anthropology]. SPb., M. Izdatel'stvo Yevropejskogo universiteta v S-Peterburge. 2010. 214 p.
22. Krom M.M. Istoriya Rossii v antropologicheskoy perspective [History of Russia in anthropological prospect]. Available at URL: <http://www.el-history.ru/node/432> (accessed: 20.02.2018)

Информация об авторе:

Хромова Елена Борисовна, кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета
г. Пермь, Россия
khromovalena@mail.ru

Получена: 21.08.2018

Information about the author:

Elena B. Khromova Candidat of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of the Foreign Languages and Public Relations Perm National Research Polytechnic University
Perm, Russia
khromovalena@mail.ru

Received: 21.08.2018